

Иван Волосюк
ПОД СТРАХОМ
ЖИЗНИ

Моей жене



Иван Волосяк

ПОД СТРАХОМ ЖИЗНИ

*Стихотворения
Тексты*

Киев

2013

ББК 84.4 УКР6=РОС
В 68

В новую книгу
донецкого поэта Ивана Волосюка
вошли стихотворения и тексты
последних лет.

*Отзывы читателей
будут с благодарностью приняты
на адрес электронной почты:
ivan.volosyuk@mail.ru*

ISBN 978-966-281-010-3

© Волосюк И. И.,
стихи, тексты, 2013.
© Костенко (Шимонович) О.Е.,
портрет, рисунки, 2013.

СТИХОТВОРЕНИЯ



* * *

Появилась большая белая птица
...к моим ногам упал большой круглый
белый хлеб.

Ю. Вознесенская

Местнотимым поэтам ничейного времени
пригоршни
Насыпают в подол и бессмертием кормят из рук,
А я шел через город, до ночи тебя не увидевший,
Полуслеп, близорук.

Но, когда почернев, вдруг подсветится небо
софитами,
Убегу и напыюсь, в страшный ливень шагну я,
взбежась,
Только скрипнет калитка, тобой до конца
не закрытая,
Потаенная связь.

И в неслышимом мире, где тень, как скала,
неподатлива,
Мне дышать тяжело, как зашедшему в воду по грудь.
Ты мне с птицею белой пшеничного хлеба печатного
Посылать не забудь.

* * *

Ночь себя еще проявит
(Ты и каждая — моя),
Только ветер шепелявит:
Шорох, шершень, чешуя,

Чтоб к тебе привел Создатель
Переходное звено.
(Главный правообладатель.
Колесо. Веретено.)

Кириллические сметки —
Многословие чтеца.
Свистопляска, свистоплетка.
След на пальце от кольца.

Но трамваи стали звучней.
Без кондуктора, один.
За случайное созвучье
Мы свободу отдадим.

* * *

За приметами старого быта, такими, как
Молоко в пирамидке (картонный четырехгранник),
Уезжаю в провинцию: глушь, духота, тоска
Раскаленная, как алюминиевый подстаканник.

Но и здесь живут люди, и вечный офлайн ничто
По сравнению с этим страданием и укором,
Но врывается в жизнь, как склоняемое «пальто»,
«Непоганный фильмец» и бумажный стакан
с попкорном.

И, когда засыпаю, ночных электричек гул —
Вездесущему мату подспорье и дополнение.
Нестоличное время, в тебя, как в пожар, шагну,
Чтобы вынести слово живым, невредимым, цельным.

* * *

Аукнется мне, откликнется,
Сидится мне и не пикнется,
Который уж год подряд.

От серости и от пресности,
Заплеванные окрестности
И черный, как уголь, сад.

Такая судьба мне выпала,
Голытьба и та мне «тыкала»,
Друзья не пускали в дом.

И сам я — не ножкой шаркаю,
С Петровкой и Пролетаркою
Я думаю об одном.

* * *

Живет под Макеевкой, днем спит,
Хоть и не лыком шит.

А звезды с балкона видит почти
Так же, как москвичи.

А как понаедут к нему друзья
(Мне ведь туда нельзя),

Он обо мне им плетет за глаза,
Мол, у меня шиза.

* * *

Февраль разлит — осталась грязь на донышке,
На крыше, где тепло печной трубы,
Чужая кошка привела детенышей
И бросила на произвол судьбы.

И кто-то торопил меня, но древняя
Тоска во мне, и мука мне мала,
А солнце пропадает за деревьями
И только глушь проклятая цела.

Матери

Оживаю для слова: ни жизни, ни смерти не рад.
Я еще не сказал, я еще не успел, подождите!
Но уведят меня в вечный холод, и хохот, и смрад.
И пусть я не пожил — вы хотя бы еще поживите.

Тихий ангел еще не коснулся чела, я успею
Возвратиться туда, где я первые сделал шаги,
Где шумела трава и деревья качались быстрее,
Где я чувствовал мать, на ее засыпая груди.

И, не зная еще языка и законов природы,
Я был частью Вселенной и крохотным сердцем своим
Ощущал, как из мрака земли пробиваются всходы,
Как зерно умирает и небо рыдает над ним.

Оживаю для слова и временной жизни не знаю.
День сгорает, как спичка, и, падая камнем в постель,
В полусне-полуяви я ясно теперь ощущаю:
До сих пор твои руки качают мою колыбель.

* * *

Следи за собой, будь осторожен...

В. Ц о й

У деревьев свое ощущение времен, и близки им
Ожидание дождя, сила ветра, дорожная пыль.
Воздух после грозы, как дыхание новой России,
У которой всегда две дороги в один монастырь.

Это слово само появилось и точками Брайля
Проступило, когда от меня отошла темнота.
И встречал я тебя легким привкусом вечного мая,
Лепестками черемух целую родные уста.

А потом я уснул, как под лед провалился, но сон мне
Не принес облегчения, и я не боролся за жизнь.
Я теперь параноик, и возглас священника «Вонмем»
Для меня означает: следи за собой, берегись.

* * *

Говорят, что полгода назад был другой совсем.
Перемены в себе замечать не хочу. Точка!
Может быть, это продлится до самой осени,
А после уже не смогу написать ни строчки.

Будет страшной зима: пепелищем покажется
поле мне,
И, глаза завязав, отвезут меня в кукольный дом.
Я почти не живу, но тебя не боюсь, меланхолия,
Настоящее время хочу отложить на потом.

* * *

Дикое время, пропахшее водкой и потом,
Завтра не будет тебя и меня — ну и пусть.
Будут работать за нас полтора землекопа.
Новое время, я больше тебя не боюсь!

Слово мое догорело и скоро погаснет,
Пепел его не выносят, как сор из избы.
Господи, как это страшное время прекрасно,
Как же обидно его отдавать без борьбы!

* * *

Б. М.

Здесь, в ментальном пространстве,
на пересечении улиц,
Как из глины словесной, еще возникают дома.
Тень скользнула легко и затихла, как платье
на стуле, —
Это через Крещатик неслышно прошли времена.

Суеверья отбросим! У прошлого нет повторенья.
Если встретимся снова под тенью каштанов твоих,
Ты узнаешь нас, Киев, как будто одно поколение
Вобрало в себя боль и страдания всех остальных.

* * *

В Киеве — холод, в Донецке — не то, чтобы радость,
Просто еще не понятно, начнется ли осень:
Кто-то собрался на год пролонгировать август,
Но к договору о лете остались вопросы.

Значит, все будет, как раньше, и возле «Форнетти»
Тот же знакомый мне запах, знакомый, поскольку
Ты мне приносишь в оранжево-белом пакете
Самую лучшую, самую вкусную слойку.

Возле филфака пьем кофе, двадцатка найдется,
Взять бы два американо и пить наравне их,
Но ты берешь капучино, и мне остается
Горький эспрессо, который готовят быстрее.

В Киеве — дождь, а Донецк как сегодня родился!
Я улыбаюсь, ты машешь рукой мне: «До завтра!»
Завтра окажется: мир навсегда изменился,
Нам не сказали, что осень приходит внезапно.

* * *

Противлюсь сам, тебя учу тому же
И буду с теми, кто был против нас.
А снег разглажен, будто проутюжен
В последний, может быть, последний раз.

И на меня ее наденут тоже —
Последнюю рубаху бытия,
Но вырвется и улетит, быть может,
Душа непостоянная моя.

За то, что видел дальше, поплачусь я,
А близкого и даром не возьму.
И я хотел прославить захоlustье,
Но не прославил, судя по всему.

Я видел мир в просветы между досок,
Чердачной пылью тридцать лет дышал,
Полжизни задавал себе вопросы
И сам на них полжизни отвечал.

И в мире не найдя себе подобных,
Я, если говорить начистоту,
Противиться готов, чему угодно,
Кому угодно — только не Христу.

* * *

Мне август не родня, а ночь срывала шапки.
Тьма, прячась во дворах, просила позвонить.
Давай же до утра загадывать загадки
И света не гасить.

И правят здесь пока подонки и отребье,
Я сделался другой и ко всему привык,
Но все-таки ничей не буду я нахлебник,
Сообщник и должник.

* * *

Способ письма не исправят строки брекеты,
Чувствую что-то внутри ее аорт.
Бытописатель, сказитель, поэт рэкета,
Жизни, как хлеб, серой (второй сорт).

Может, вернется сама, чтобы здесь стариться,
Чтоб до всего ей додуматься самой.
В утреннем соке тумана дома варятся,
Как же теперь ты несчастлива со мной.

* * *

А. К.

Пачка влажных салфеток, «Донецкие новости», кола,
Подогретая пицца, Путиловский автовокзал.
Поздоровался с кем-то: он, кажется, тоже филолог,
Только жил не в общежитии, а с другом квартиру снимал.

Что останется в мире? От Хаткиной —

«кружка по кругу»,

От меня — ничего: видно, участь моя такова!

Но на стыке веков мы легко понимали друг друга:

Полюбившему Слово уже безразличны слова.

* * *

Я хожу оборванцем, и с Щорса сворачивать
В переулок Орешкова мне как-то совестно.
Собираются осенью дни укорачивать
Или солнце над городом выключат полностью?

Настоящего времени тучи налитые
Ветер тихо уносит, и прошлого нет уже.
Черно-белого фото пространство закрытое,
Будь такою, как есть, обойдемся без ретуши.

* * *

Стану бродягой, чтоб гнали меня взашей
От порога дома с белым заборчиком.
Идти по мосту и бояться летучих мышей,
И писать, словно врач в поликлинике, неразборчиво.

Видеть другую столицу, не ту, которая
Нарисована на коробке конфет «Киев вечерний»,
С теми, кого в пять утра забирает «скорая»
После драки на Гончара у кафе «Харчевня».

И пока не открыли метро, тишина сладкая
Обволакивает, убаюкивает: «Сдайся!»
Но к тебе не добраться никак: ни с тремя
пересадками,
Ни с помощью GPS или других девайсов.

* * *

Оплетают меня сомнений змеи,
Разное: «to be» там, «or not to be».
Если взломают пароль емейла,
Повешусь на кабеле USB.

Буду доказывать: «Я не робот»,
Капчу любую осилю враз.
Вдруг резануло: *любимую трогать*,
Если в последний раз?

Место намолено: здесь и я был
После тебя, до тебя, когда
Вдруг навалился листвой ноябрь
На полусогнутые города.

* * *

Я боюсь языка, как «Грамматики 80», шутка ли —
В кириллическом дыме: ререйтинг, репост,
постскрипт.
Возвращаюсь в себя, как в двенадцать домой
в маршрутке,
Распадающейся, как санскрит.

Я смирился с тобою, потертый гортанный говор
(СМС-переписка, ВКонтактеная болтовня),
Превращенное в бульканье, таинство разговора
Удалилось и от меня.

* * *

Падала виноградная гроздь,
Не было раньше — теперь в избытке,
Единство людей пробивается сквозь
Одиночество скрипки.

Наваливался отовсюду звук,
Гнал вперед, как удар конвоира сзади.
Сколько человеческих мук
Музыки ради.

* * *

Девяносто четвертый — «Гармония»

«Мистера Credo»,
«Мама Азия» — это уже девяносто восьмой.
Поступь века легка: через тернии — к серому небу,
Бесполезно висящему над воспаленной землей.

Я безропотно пил, как лекарство, поповское пойло
И не знал ни нужду, ни всюнощную муку стиха,
А потом, как три мужа, Бутусов, Шевчук и Самойлов
Говорили мне что-то, стоящему возле шатра.

О.Е.

Я за рыбным обозом пытался успеть,
Автостопом до Москвы хотел.
А у рыбы, наверное, легкая смерть,
И филе двести граммов на выходе.

Рыбьим глазом смотрел на луну, а в ночи —
Очертанья предметов пугающи.
Громко били крылом, подгоняли сычи
Отстающих и неуспевающих.

А когда добрались (через тысячи верст),
Я мечтал, как здесь все обустроится:
Вверх Останкинской башни поднимется перст,
А под землю шагнут метростроевцы.

* * *

Из дома сбежал я, как будто скатился вниз,
Никого ни о чем не спрашивал.
Потом оказалось: мы сделали трое из
Простоквашино.

Вещи собрал за пятнадцать минут: айпад,
Что-то на первое время из шмоток ношенных.
И откуда узнал я: в деревне дома стоят
Брошены.

Родители сразу, конечно, пошли к ментам.
Днем из дома не выйдешь, чтоб мне прокормить
свою братию,
Приходилось ночами ходить по колхозным полям
С металлоискателем.

И пока по ломбардам рассовывал, что нашел,
Брал коту молока, а собаку кормил пельменями.
Так бы длилось и дальше, но Печкин
в «АЛЮ» прочел
Объявление.

И пока я на дурке лечился от наркоты
(Потому что я справлюсь, сыночек у мамы умница),
Кот Матроскин жил впроголодь так же, как все коты,
Шарик с клипсою в ухе бродил по холодным улицам.

* * *

Ладно, хватит, проехали, это истерика.
Ее трудно лечить, но прижечь можно запросто.
Может, тоже уехать работать в Америку
И читать на рецепшине Сартра и Маркеса?

Ненавидя сосиски за вкус целлофановый,
Словно рыбий жир, виски пить залпом, без продыху,
И смотреть на них: жалких, как гири стеклянные,
Не познавших нормального русского отдыха.

* * *

Отдышался, потом навалилась тревога дня,
Словно в Москве, тысячелюдно здесь мне,
Но радость, как девочка босоногая,
Помогала мне тысячу раз воскреснуть.

И в тысячепервый. Теперь проживу я сто
Солнечных лет и зим,
Но время сбивало меня хвостом
Всякий раз, когда шел за ним.

* * *

Я Греции не видел до сих пор,
Стеклянными не шевелил руками.
Казалось мне: я слышу разговор,
Который происходит между нами.

Но это только моря белый звук
(Оно не даром названо Эгейским).
Я видел время, но событий круг
Распался, как кружок Пифагорейский.

И я сказал: «По драхме им хотя б
Платить должны за этот воздух пыльный».
А море нас топило, как котят,
Прозрачною накрыв епитрахилью.

И, белого не замечая дня,
Отмеченные солнечной рукою,
Мы приняли тебя, Кефалоня,
Скала Кефалус, остров с головою.

* * *

Прозрачный воздух не насытил нас,
Затасканная рифма, строй избитый,
И наступает ненадежный час,
И гаснет свет над лавочкой закрытой.

Симметрия нарушена, но здесь,
На площади, сойдется столько линий!
Глотаем воздух, пожираем весь,
Чужой и свой в гортани половиня.

А после нас не будет никого,
Замок повесят, окна заколотят
И выльют бесполезное вино,
Не будет хлеба и не будет плоти.

* * *

Здесь какой-то не донецкий —
Привозной покой и быт,
Слышен моря шум, и детский
Смех по воздуху летит.

Неба синие пилюли
Принести ты мне должна,
Разве в море, как в кастрюле,
Помещается волна?

Эти жалкие тревоги,
Дни, потраченные зря,
На невидимые ноги
Опирается земля...

* * *

Я руны под древесною корой
Пытался отыскать в лесу сегодня,
Потом у рек, измученных жарой,
На глиняных табличках мелководья.

И в поле, где нетронута земля,
Где ветер мне нашептывает тайны
И видятся штрихи календаря
На каждой палке и на каждом камне.

Я узнавал чужие письмена
Речений, выразительных и кратких,
Там, где лежат пластами времена
В простом хронологическом порядке.

* * *

Памяти С. М.

Смерть сама по себе. Что июль ей, что август —
без отпуска.
И не то, что на юг, отсыпного — и то не дают.
Но зато, куда хочешь, проходишь без спросу
и пропуска
И везде тебе хлеба отрежут и водки нальют.

И не то чтобы рады, — привыкли оказывать почести,
Жгут дешевые свечи и тряпкою моют полы.
Но куда ни посмотришь — за нею идет одиночество
Да забитые ставни и дома кривые углы.

* * *

Памяти Д. С.

Ситцевым временем не дорожи, изгой.
Междоусобица, осень, трамвай в отстой.

— Ну-ка, построились в очередь, — рев и рык.
Ради забавы Адаму размять язык.

В нерукописное время, в туман людской,
На «единице» от площади до Складской.

Все тебе впору, бессмертие, все как раз!
Выключи прошлое: кухня, угарный газ.

* * *

Приходи сюда вечером,
Понасыпано гор — тьма,
Темнота изувечена
Резким светом копра.

Отследи траекторию,
Пусть звезда упадет там,
Все мы станем историей,
Если вспыхнет метан.

Из завалов разрозненных,
В час, когда уже смысла нет,
Нас, как есть, неопознанных,
Доставали на Божий свет.

Там богатства несметные
Миллионами тонн впрок.
Поголовно бессмертные,
И у каждого — свой срок.

ТЕКСТЫ



Е. С.

Мы — дети солнца. Можем, не готовясь,
как самолеты с вертикальным взлетом,
подняться вверх: земное притяжение
для нас всего лишь маленький параграф

учебника по физике. В Донецке
такие же, как в Киеве, каштаны
и тот же запах мокрого асфальта
у нас ассоциируется с летом.

Мы — дети солнца. Вредная привычка
читать Соснору непреодолима.
Но ты же возвратишься, Заболоцкий,
бессонной ночью на журнальный столик?

Тогда же в тишине новозаветной
из безвременья выйдет Ерофеев
и скажет тихо: «Я был тоже с ними,
в ночном саду бродил, держа под мышкой
свои еще неизданные книги».

* * *

Собираю слова, как пустые бутылки.
Выливаю коннотации, как остатки жидкости,
и прячу в грязную сумку.

Через слово можно смотреть на солнце,
не боясь ослепнуть.

Очищаю слова
от налипших значений:

и драп — это просто ткань,
а план — продуманный заранее порядок действий.

Я хочу изначального смысла, который сладок,
как спелое яблоко, упавшее на траву.

Я хочу изначального смысла, который ясен,
как воздух в горах, когда солнце уже успело
растопить туман.

Я хочу изначального смысла, который светел,
как день, когда я встретил тебя.

И еще я хочу, чтобы о поэзии молились,
как об урожае во время засухи.

* * *

Хватит,
тебе я отдал понедельник
для разных затей.
Зал затемнен: непрозрачной хлопчатобумажной
тканью
окно
ослеплено.

Стихотворение слеплено
из протоглины
антропоморфного
имени
«Я — человек»,
и ничто уже после меня
не боится быть вещью.

Вещие сны.

Ставлю знак равенства:
две параллельных дороги,
они коротки
и промокли до нитки,
видимо.
Видимо-невидимо
сгустков материи, названных
в один день
с животными,
которых к нему привели
первыми.

Кроткими были животные.
Время — линейно.
Мотыги было достаточно,
чтоб обрабатывать землю.

А потом от наскальных рисунков
мы двигались плавно
к каждой из двухсот банок супа «Кэмпбелл».

И это было не самое лучшее время,
о котором стоит писать про запас.

* * *

Высвободи меня
из половецкого плена,
сделай степь
огнем, который сжигает
воздух,
предназначенный
для моих легких.

Сделай меня свободным
от слов, которые перегорели,
как перегорает молоко.

Когда земное притяжение
не срабатывает,
как кнопка в китайском фонарике,
я взлетаю над землей,
и это «над»
для меня
сверхидея.

* * *

В комнате было накурено.
Или не так: накурено было в космосе.
Кто-то сказал, что это — Млечный Путь.
У него был дар
поэтический,
хотя просто нужно было
открыть вселенскую форточку.

Пепел падал на землю,
сгорая в верхних слоях атмосферы.
Кто-то сказал, что это — падающие звезды.
У него был дар — вы помните.

Вы помните, как все начиналось:
спросите Лапласа, он разбирался в космической жиже.
Солнечная система была манной кашей
протопланетного облака,
и в ней попадались комочки.

На одном из таких комочков жили в разное время:
Сартр,
Соснора,
протопоп Аввакум,
Гоголь,
Дионисий Ареопагит
и другие товарищи.

* * *

Стой! Ты хоронишь и майских жуков.

В. Соснора

Ты показал мне майского жука —
я требовал продолжения,
как Дарвин на корабле «Бигль»,
хотя всех укачало и все хотели плыть домой.

Но оказалось, что другие насекомые:
жук-носорог,
жук-бегемот,
жук-жираф,
жук-слон
названы так из-за сходства с животными,
живущими в Африке.

И нет ни апрельского жука,
ни июньского,
ни июльского, наконец.

А я уже видел двенадцать жуков,
сидящих вокруг костра
и передающих друг другу посох.

Майский жук одинок во вселенной.
Одинок, как и я.
Forever alone — это его социальная ниша.

* * *

В двухтысячном году
пахло краской слово «миллениум».

На Новый год кока-колу везли северные олени
и падал снег.

Тупо зимой под Новый год,
а не как сейчас.

Было написано десятое из «Двери закрываются»,
потом появилась Википедия,
и кто-то решил,
что Соснора — графоман.

Модератор им судья!

Тогда я учился в одиннадцатом классе
в городе с населением сорок тысяч жителей.

Мне нечего было сказать.

Сейчас я живу в городе
с населением около миллиона.

И мне также нечего сказать
никому из тех сорока тысяч,
никому из этих
«почти миллион».

* * *

Завтра тебе покажу
новое облако,
сегодня с тебя будет довольно и этих.

Завтра тебе покажу белый обморок,
белое вино,
белое, как свет утренний,
интервал полуторный,
полуторачасовой разговор.

Не вставай,
я все сделаю сам.

* * *

Столбы огня
над
краматорской ТЭЦ:
минус 30,
магнитное поле,
заряженные частицы.
Хорошо, что есть объяснение.

А то, что казалось, на огонь свечи
слетелись души поэтов,
заметил кто-нибудь?

* * *

Солнце, как желтое мясо.

Возле дороги
жарят каштаны
и мелкие креветки.

Двести метров от моря.

Рыбу сушат, как постельное белье, в каждом дворе.

Вино из темных фляг
с таким же темным прошлым.

Население поселка —
четыре тысячи человек
и двести обезьянок.

Словосочетание
«Азовское море»
для жителей Крыма — обидное ругательство.

* * *

Натяженье строки
ломает суставы морфем.
«И краткое»,
как срезанный стебель полнозвучия.
«Русский язык» Белошапковой
кого еще так мучает?

Синтаксис прост, как яйцо.
Спиралью завинчен
причастный оборот.
Ночь — белая.
Ясно ведь, что
лучше да Винчи
я
ничего
не сделаю.

* * *

Руки потянутся за апельсином
солнца.
Ветер тебе принесет с Фукусимы
стронций.

Медленно движутся дни-черепахи,
где я,
может быть, буду убит, как Каддафи,
в девять.

* * *

Опускаюсь на дно
после
очередного эмоционального всплеска

или всплеска воды.

Или это сам Господь всплеснул руками,
отчего
материки попятились?

Евразия, континент континентов,
повторяй за мной:

Это все уже было,
Гондвана,
сиквел.

СЕРЕБРЯНОЕ ВРЕМЯ

* * *

Вспомнить тебя.
Выловить из озера памяти
крупную рыбу серебряных дней,
предшествовавших золотому времени.

* * *

Горечь во рту.
Кофе без сахара.
Шоколад (семьдесят два процента какао).

* * *

За тридцать секунд до окончания жизни звучит
предупреждающий сигнал
(тарификация посекундная).

...

...

...

Абонент недоступен.

* * *

Человек с точки зрения камня
должен быть тверже.

* * *

Арифметика зимы
(четыре простейших действия):
вычитание света,
прибавление холода,
умножение снега,
деление с остатком
твоего тепла.

* * *

Выкраду слово,
спрячу его под куртку,
сяду в дежурный троллейбус,
заплачу за двоих.

* * *

Серебро требует лигатуры,
оно разбавляется медью
так же, как и вино разбавляется водой.

Нельзя дышать чистым кислородом.
Только этим оправдывается существование воздуха.

ПОСТ МОСКОВУ

Московское время длиннее нашего.

Пространство комнаты
(огромный дом на Тверском бульваре)
вываливается из окна.

Выключают свет,
и снова все на своих местах:

темно внутри,
темно снаружи.

* * *

Голос мой в Москве могут узнать
киоски фаст-фуда,
автоматы с отверстиями для ПЭТ-бутылок,
таблички на зданиях, в которых родились или жили
большие поэты,
автомобили таксистов-«бомбил», припаркованные
в самых неожиданных местах.

Проходя мимо них, я разговаривал по мобильному.

Люди меня не заметили.

* * *

Проговаривал все время:
«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко»,
сбивался, переходил,
как на другую сторону улицы,
на «Я по свету немало хаживал...»

Москва.
Сретенье.

* * *

Добирался
с несколькими пересадками.
Хотелось пить.
Сумка давила плечо.

И только возле ВДНХ
ВыДоХНул.

* * *

Меня после этой вашей хваленой «Москоу»
мучил кашель, потом плоской
казалась Земля, и я во сне
боялся свалиться,
ложась на самом ее краю

(мне просто хотелось выспаться).

Через неделю
пришел в себя.

Вернулся в свою
терриконную действительность.

Здесь я, как в своей тарелке,
края ее
никому не дадут упасть.

Родная земля
держит,
греет.

ЗАСВЕТА ИЛЬИЧА

Выманивал
капли,
бросая камни
в воду.

Выманил только эти.
Они теперь высыхают на моих руках

и не жалеют, что обмануты.

* * *

Если бы наши тени
оставались, как отпечатки пальцев,
на всем,

было бы больше доказательств того,
что мы были.

* * *

Голуби обступили девочку,
как гопники в серых спортивных костюмах,
пока она
отламывает
от городской булки
кусочки сытости.

НЕБО В ЧЕТЫРЕ УТРА

* * *

Небо в четыре утра,
как скорлупа кокосового ореха,
в которой толкли ртуть.

(Созиданье бессмысленно.
Энтропия как мера
беспорядка системы
проявляется во всем.)

Укорачиваю время
ножницами Интернета
ровно настолько, насколько хочу
не замечать тебя.

Выхожу на балкон,
обдумываю
план побега из другого города
в этот,
оказываюсь в том самом месте, где я сейчас,
и от этого успокаиваюсь.

Вчитываюсь в надпись на билборде,
повторяю про себя, как Иисусову молитву,
рекламный слоган.

Потому что настоящего слова нет.
Потому что настоящего дела нет.
Потому что нет ничего настоящего.

* * *

Перед тем, как уснуть,
провожаю рукой по обоям
слева направо,
как щетка стеклоочистителя.

Перед тем, как уснуть,
выкручиваю лампочку из настольной лампы,
потому что ей тяжело висеть вниз головой.

Перед тем, как уснуть,
открываю окно на микропроветривание
и микропроветриваю.

Перед тем, как проснуться,
вздрагиваю.

ЛАПТЕМ ХЛЕБАЮ SHE

Лаптем хлебаю she.

В это же самое
время
происходят банальные вещи:
большое видится на расстоянии,
народ безмолвствует,
Волга впадает в Каспийское море.

Или:
малолетки возле «Здравицы» сшибают деньги
на плашку,
бомж выливает остатки пива из бутылки на землю,
беременная с бейджем «Татьяна» курит возле
служебного входа в банк.

Утром разговаривал с электронным компостером.
Спрашивал, как царевич Елисей,
у него,
безъязыкого:
«Зачем тебя поставили
И уволили тетю Любу?»
Тетя Люба продавала билеты,
узнавала,
как у
меня дела
каждое утро (кроме субботы и воскресенья),
рассказывала, что с первого числа такого-то месяца
подорожает сахар (гречка, молоко, яйца, мука —
нужное подчеркнуть),

потому что все «покрали» Кравчук (Кучма, Ющенко,
Янукович — нужно подчеркнуть).

Теперь тетя Люба на пенсии,
бесконечной, как движение кольцевого трамвая.

Лаптем хлебаю she.
И особо не заморачиваюсь,
потому что в провинции
не так намагничены человеческие тела,
и, случайно задев друг друга,
люди не разлетаются в разные стороны.

Днем видел медведя на улице,
кстати, с балалайкой.
Медведь музицировал.
(Не в том высоком смысле,
когда всякое дыхание хвалит Господа,
а просто так,
от широты души.)

Вечером
евреи,
идущие из Египта,
перешли
по ссылке и скачали обновление
«Яндекс карты» версии 1.5.

ВОЗРАСТ ВСЕЛЕННОЙ

Возраст Вселенной

Время от слов мамы: «Уходим, как только качели
перестанут качаться»
до полной остановки
равно возрасту Вселенной.

Сентиментализм

В середине июня,
свернув на одну из глухих аллей
парка «Азотный»,
оказался
на кладбище новогодних елок.

PSY-фактор

Соглашусь умереть в тот день, когда видео
«Бродский читает свои стихи»
наберет на Youtube
два миллиарда просмотров.

Невыносимое

Если бы Ленин был
живее всех живых,
у него бы образовались пролежни.

Мейнстрим

Пока река совсем не покрылась льдом,
Серая Шейка смотрела на свое отражение в воде
и делала duckface.

Раскаянье

Захожу в папку «Мои документы»,
выбираю файл «moi-grehi.txt»,
нажимаю «Shift+Del».

Отречение

Лев Толстой перешел на темную сторону силы
за котлетки.

Смерть

Ничто не может с большей наглядностью
свидетельствовать о смерти, как упавшее дерево.

ОБЛАКО КОТЕГОВ

* * *

Личная ассоциация,
как пивная бутылка
с надколотым горлышком.

Ее могут не принять.

* * *

Карта Европы,
как ворох листьев смородины,
как след от отвара шиповника, пролитого на скатерть.

А тут (бац!): Украина — в центре.

* * *

Открываю
миллиард заветных калиток,
стучу в
миллиард окон:

Выходи.
Я пришел.

* * *

Египтяне поклонялись кошкам.
Пачка древнеегипетского «Вискаса»

стоила больше, чем старухе-египтянке
набрасывали за день
в глиняный стаканчик «Нескафе»
возле храма бога Ра.

* * *

Шахидка,
сидящая напротив меня в вагоне метро,
перебирает проводочки,
как будто вяжет.

А я улыбаюсь,
вспоминаю бабушку.

* * *

Если бы Господь
завел блог,
аккаунт в ЖЖ,
подписчиков у Него было бы не больше,
чем причастников
в сельской церкви.

* * *

Кот приходит,
ложится на мои колени,
включает виброрежим.

СУРРОГАТНОЕ ДЕТСТВО

* * *

Геометрически правильная
тишина
в подземном переходе.

* * *

Мы стояли на крыше.
Ты двигалась так, будто мы в водолазных костюмах.

Дышать разрешалось только в подъезде,
где воздух был не отравленным.

Двадцать лет спустя
пришлось мириться с другими условностями.

* * *

Тоже ведь
протираю уголки глаз,
говорил, что умылся.

* * *

Когда приезжали
родственники из Запорожья
на невообразимо роскошной «пятерке»,

мечтал снова поехать за город,
потому что на выезде из Дзержинска
была «Вулканизация»,
а в прошлый раз я так и не увидел
магму, выходящую на поверхность.

* * *

На день рождения
уронил белую машинку
с ламбо-дверями.

Плакал над ней,
как над раненой чайкой,
которой уже никогда не поднять
сломанных крыльев.

* * *

Куртка-хамелеон
заменяла мне спальный мешок:
снаружи была зеленой,
внутри красной.

Или наоборот.

Как лист Мебиуса,
она нарушала представление о привычных вещах.

* * *

Когда я сдвигал два кресла,
взрослые думали, что я играю «в домик».

На самом деле
из отнятого у них пространства
я создавал модель необезличенного космоса.

Или готовился к смерти,
потому что два квадратных метра
это не так страшно, как громадный бесформенный мир,
окружающий ребенка.

КНУТ ГАМСУН НЕ НУЖЕН ЛОШАДИ

ПЕРВОЕ

Этот медный доллар с покрытием
из марганцевой латуни
стал для меня, как фетиш.
Зная ему цену,
ждал, когда ты ответишь.
Стеклянная банка кофе «Вуено»
казалась мне таким же эстетическим объектом.

Хорошие стихи редки.
Очень редки.

«АЛЕКСЕЙ УШАКОВ СОГЛАСИЛСЯ ЧИТАТЬ
В ОСТРОВЕ»

Начинаю почти бредить, пишу, словно пью воду
по глотку.

А ведь это кому-то придется вычитывать:
выносить на поля редакторские правки.
Слово стало удавкой:
давит,
давит,
за шею держит.

Тебя здесь никто не держит.
С той стороны
уже есть люди.
Их пока единицы.
Они птицы.

Твердым знаком можно толочь алмазы.

Крушить стены обособленным наречием.

Противоречия,
как перекачанные мячи,
перекатятся через поле.

Перекати-поле.

Перекуем мечи на орала.

Перемолчи,
начни все сначала,

на стол положи ключи.

Дай ей возможность самой решить:
уйти или остаться.

Нужно еще отоспаться.
Перед тобой,
день офисного работника,
склоняю голову
на подушку с искусственным наполнением.
Целое поколение

ради медного доллара
с покрытием из латуни.

ВТОРОЕ

Что там у вас со вторым:
оно готово ли?
С самого вторника ломаю голову:

как быть?
В середине недели
добыть огонь
путем трения
по сухой дощечке.

Ты сейчас обдолбанный
летишь по встрече

на очередном «корейце».
Подумай о Билле Гейтсе:
купи Windows лицензию
(к примеру, восьмерку).

Ты же никогда не спрашивал: «Сколько?»
А просто слюнявил пальцы
и давал, сколько просят.

Ветер листву уносит,

дни там, типа, стали короче,
поэзии всюду, как китайских айфонов:

у каждого — по три.
Это уже пьяные сопли.

Какое раскаянье?
Выпиты расстояния,

поила меня слоеным коктейлем из
Гуфа, Сосноры и третьего неизвестного.

(Пока неизвестного.)

Мокрых листьев лезвия.
Пей молоко — оно полезнее.

Меняю шрифты,
играю со шрифтами,
библиотека стилей,
клипарты
на двух болванках.

Потом начинается белое время,
сердце уже не бьется —
это гуманитарная кома.

Кнут Гамсун не нужен лошади.

* * *

Пониманье излишне:
поэзия не нуждается
в чтении
естественном, как жизнь или смерть.

Возникает миф, и автор смешивается с ним,
превращаясь в материал для своих же священных
текстов.

И он теперь — барон Мюнхаузен, вытаскивающий
себя за волосы из болота необходимости.
И он теперь — огонь, который питается самим собой.

А когда концентрация смысла делает текст
кислотой —
всепрожигающим сгущением словесного опыта,

части слова
противоборствуют,

части речи
противоречат

и, как большая рыба, норовят
вырваться,
извернуться,
ударить хвостом.

* * *

А. П. К.

Может, правда покажешь
другой Харьков,
другой Киев,
другую Москву,
тысячу иногородов,
в которых живут инолюди,
иноплеменники.

Все остальные — пленники,
заложники ситуации,

поколение «Post»:

Post эмансипации,
Post Чернобыля,
Post Фукусимы,
Post того, что было с нами
все эти двадцать лет,

когда стреляли на улицах,
покупали ваучеры «МММ»,
потом плакали,
проклинали Мавроди,

ждали десять лет,
покупали Мавро,
уже в инете,

готовясь заранее
плакать и проклинать.

Двадцать лет,
вместивших в себя
спрессованное столетие,
когда издавалось «Многоточие»,
«Соты»,
«Стых»,
«Стетоскоп»,
«Самватас».

И, в принципе, это — главное,
а не то, что стреляли.

Так получилось, что послесловие
оказалось длиннее самого слова.

Ты знаешь, что такое послевкусие:
послевкусие Достоевского,
послевкусие Генриха Манна
или Кнута Гамсуна?

«Последняя отрада» —
книга, после которой хочется пить
из ручья, зачерпывая воду рукой,
а не из ПЭТ-бутылки.

Наверное, я тоже что-то понял,
что-то, но не все.

* * *

Вспоминается
долгое возвращение домой.
Минералка в стеклянных бутылках,
автобус «Адлер — Мариуполь»,
кажущийся мне,
девятилетнему,
как минимум
космическим кораблем.
Запрокидывая голову,
дыши,
десять часов,
полет нормальный.

Потом еще
запах ткани
спортивного костюма
(в таких ходила половина города),
фрагменты,
напоминающие
«Супрематическую композицию»
или мой первый рисунок в paint.

И никто не спрашивал,
куда мне теперь идти,
и никто не спрашивал,
что мне теперь делать,
потому что отчаянье
было всеобщим.

Исключение составляли только некоторые,
те, кто и сейчас владеют всем.

Отключали свет,
как будто размахивали черным веером
над микрорайонами и остатками шахтерских поселков.

Нигде и никогда мы так не разговаривали,
как с семи до восьми вечера
в темноте.

В магазинах почему-то перестали продавать хлеб.
Какая глупость: перестали продавать хлеб.
Я сам покупал его
у двенадцатилетних пацанов на раздолбанных
«Украинах».
Горячий хлеб,
ради его запаха,
ради вкуса настоящего хлеба,
пахнущего печью,
пахнущего мамиными руками,
пахнущего невозвратным прошлым,
ради раскатистого «горячий хлеб».

Вряд ли кто-то из них на этом «поднялся»,
потому что и тогда, и сейчас всем владеют одни
и те же люди.

* * *

Уходят один за другим, и уже там
берутся за руки
в свете, который ярче
всех горняцких ламп, зажженных вместе,
чтобы осветить тьму.

Уходят один за другим, а мы ведем счет,
считаем, сколько осталось в живых,
а нужно считать по-другому.
Потому что они заплатили такую цену,
по сравнению с которой подвиг — карманные деньги
или сдача, звенящая в правом кармане брюк.

Уходят один за другим, и становятся чернее
цифры, которыми дни обозначены в календаре.
Становится угольно-черным хлеб,
принесенный отцом или сыном.
Хлеб горчит, потому что и он
стоит дороже денег.

А может быть, пора
научиться считать не деньги — десятками миллионов.
Живых и мертвых — тоже десятками, причем
на добытый миллион тонн угля.
А считать слезинки,
упавшие на пол
в коридоре ожогового центра?

ОБ АВТОРЕ

Иван Волосюк родился в 1983 году в г. Дзержинске Донецкой области (Украина) в семье шахтера.

Выпускник русского отделения филологического факультета Донецкого национального университета.

Автор сборников стихов «Капли дождя» (2002), «Вторая книга» (2007), «Продолжение земли» (2010), «Помнящие родство» (2011, в соавторстве), «Донецкие строфы» (2011).

Публикации: «Знамя», «Воздух», «Новая Юность», «Дети Ра», «Зинзивер», «Московский вестник», «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Луч» (Россия), «Радуга», «Союз писателей», «Літера_Днерг», «Донбасс» (Украина), «Западная Двина», «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Нива» (Казахстан), «Наше поколение» (Молдова), «Планета поэтов» (Латвия), «Крещатик», «EDITA», «Студия» (Германия), «Иные берега» (Финляндия), «Окно» (Ирландия), «Побережье», «Связь времен», «Время и место» (США).

Член Межрегионального союза писателей Украины.

Участник Фестиваля русской литературы (Пуща-Водица, 2011), 12-го Форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья (Липки, 2012).

Живет и работает в Донецке.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Местнотимым поэтам...»	6
«Ночь себя еще проявит...»	7
«За приметами старого быта...»	8
«Аукнется мне, откликнется...»	9
«Живет под Макеевкой...»	10
«Февраль разлит...»	11
«Оживаю для слова...»	12
«У деревьев свое ощущение времен...»	13
«Говорят, что полгода назад...»	14
«Дикое время...»	15
«Здесь, в ментальном пространстве...»	16
«В Киеве — холод...»	17
«Противлюсь сам, тебя учу тому же...»	18
«Мне август не родня...»	19

«Способ письма не исправят...»	20
«Пачка влажных салфеток...»	21
«Я хожу оборванцем...»	22
«Стану бродягой...»	23
«Оплетают меня сомнений змеи...»	24
«Я боюсь языка...»	25
«Падала виноградная гроздь...»	26
«Девяносто четвертый...»	27
«Я за рыбным обозом пытался успеть...»	28
«Из дома сбежал я...»	29
«Ладно, хватит, проехали...»	30
«Отдышался, потом навалилась...»	31
«Я Греции не видел до сих пор...»	32
«Прозрачный воздух не насытил нас...»	33
«Здесь какой-то не донецкий...»	34
«Я руны под древесною корой...»	35
«Смерть сама по себе...»	36
«Ситцевым временем не дорожи...»	37
«Приходи сюда вечером...»	38

ТЕКСТЫ

«Мы — дети солнца...»	40
«Собираю слова, как пустые бутылки...»	41
«Хватит, тебе я отдал понедельник...»	42
«Высвободи меня...»	44
«В комнате было накурено...»	45
«Ты показал мне майского жука...»	46
«В двухтысячном году...»	47
«Завтра тебе покажу...»	48
«Столбы огня...»	49
«Солнце, как желтое мясо...»	50
«Натяжение строки...»	51
«Руки потянутся за апельсином...»	52
«Опускаюсь на дно...»	53
Серебряное время	54
Пост Москоу	56
Засветы Ильича	59
Небо в четыре утра	60

Лаптем хлебаю she	62
Возраст Вселенной	64
Облако котегов	66
Суррогатное детство	68
Кнут Гамсун не нужен лошади	71
«Пониманье излишне...»	75
«Может, правда покажешь...»	76
«Вспоминается долгое возвращение домой...»	78
«Уходят один за другим...»	80
Об авторе	81

*Автор выражает
глубокую признательность
генеральному директору
ГП «Дзержинскуголь»*

***Житленку
Дмитрию Михайловичу,***

председателю Дзержинского теркома ПРУП

***Щербаню
Василию Петровичу,***

*первичным профсоюзным организациям
и трудовым коллективам шахт города
за финансовую и моральную поддержку
в течение 15 лет,
сделавшую возможным выход в свет
в том числе и этой книги.*

Литературно-художественное издание

Иван Волосюк

ПОД СТРАХОМ ЖИЗНИ

*Стихотворения
Тексты*

Обложка и оригинал-макет —
Лариса Северенчук

Художественно-технический редактор
Любовь Ильченко

Корректор *Людмила Гребельник*

Подписано в печать 10.11.2013. Формат 70 × 100 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Услов. печ. л. 3,55.
Услов. кр.-отт. 3,55. Зак. №

ООО «Журнал «Радуга», 01030,
г. Киев, ул. Б. Хмельницкого, 51-А.
Свидетельство о внесении
в Государственный реестр издателей:
серия ДК № 1209 от 27.03.2003.

Отпечатано в типографии «Бизнесполиграф»,
04094, г. Киев, ул. Вискозная, 8.

ISBN 978-966-281-010-3



9 789662 810103 >